

ЕВА НЕМЕШ

Белый голубь,
чёрный
слон

КомпасГид
Издательский Дом

Ева Немеш

Белый голубь, чёрный слон

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69485266
Белый голубь, чёрный слон: КомпасГид; Москва; 2023
ISBN 978-5-00083-877-8*

Аннотация

Папа дарит тринадцатилетней Леле невзрачный судовой журнал. Пока девочка с сомнением вертит его в руках, папа рассказывает, что судовой журнал обязательно есть у каждого капитана, чтобы фиксировать всё важное в ходе рейса. «Себе-то ты капитан?» – спрашивает он дочь. С этого вопроса начинается дневник Лёли, который она будет вести сто дней.

Что можно успеть за сто дней? Много! Например, завести дневник, потерять старого друга и найти нового, пережить несколько переездов: из крошечного Алесино у моря в холодные Апатиты и потом – в пасмурный Петербург. А ещё – забраться на вулкан, побродить по лабиринту Минотавра, увидеть северное сияние. И одновременно попытаться понять своих родных, разобраться в себе и повзрослеть.

Ева Немеш пишет повести и рассказы для подростков, а также преподаёт английский язык и ведёт детскую литературную мастерскую. Она – трёхкратный лауреат премии «Книгуру».

Писательница создала удивительно динамичный и трогательный текст, к которому невозможно остаться равнодушным, когда тебе от 13 до 16 лет. Ведь автор говорит с подростками на одном языке и абсолютно убеждена, что сто дней – целая вечность. Если тебе тринадцать...

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ева Немеш

Белый голубь, чёрный слон

*...Понимаешь, всё ещё будет!
В сто концов убегают рельсы,
Самолёты уходят в рейсы,
Корабли снимаются с якоря...*

В. Тушинова

* * *

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения ООО «ИД „КомпасГид“».

© Ева Немеш, текст, 2023

© ООО «Издательский дом „КомпасГид“», 2023

Время события	Курс по гиро-компасу	Курс по магнитн. компасу	Местоположение судна			T _c -T _г _____ « ____ » _____ 200__ г. Рейс № _____ Район _____ Из _____ в _____
			ш/д.л.-1	л/д.л.-2	д.л.-3	
1	2	3	4		5	
<p>На обложке моего дневника нет ни корзинки с глазастыми котятами, ни россыпи перламутровых звёзд, ни хоровода розовых сердечек. Его единственное украшение – тёмное пятно, похожее на спящую черепаху или – если перевернуть – на сплюснутую чашку.</p> <p>Дневник – подарок от палы, больше такую странную вещь дарить некому.</p> <p>– Что это? – спросила я, прошелестев разлинованными страницами, напрасно надеясь, что между ними прячется привычный подарок – деньги.</p> <p>– Судовой журнал, – невозмутимо ответил пала.</p> <p>– Журнал? Без картинок?</p> <p>– Без картинок, потому что это... – папин палец глухо ударил по толстому картону обложки, – очень серьёзный документ. Сюда записывается всё, что происходит на корабле. И в случае каких-нибудь неприятностей...</p> <p>– Ты боишься, что я утону?</p> <p>– Не перебивай! Да, иногда боюсь, – признался пала. – Судовой журнал обязан вести каждый капитан. Ты же капитан?</p> <p>– В смысле?</p> <p>– В самом прямом. Себе-то ты капитан?</p> <p>– Себе? Вроде да.</p> <p>– Значит, пригодится!</p>						

Проект события	Курс по гео-контаксу	Курс по животи-контаксу	Местоположение судна			V _{ср} -T _{ср} Ч.к.г.г. 200 г. Редк. №
			ш.д.д.-1	д.д.д.-2	д.д.-3	
1	2	3	4			5
<p>Я пожалала плечами. Тогда я даже представить не могла, чем станет эта невзрачная книжка.</p> <p>— Может, сразу быка за рога? — предложил папа и жестом фокусника вынул из кармана ручку. — Не теряй времени. Прямо сейчас садись и пиши!</p> <p>— О чём?</p> <p>Он рассмеялся:</p> <p>— Да хотя бы обо мне. Расскажи, какой я хороший. Или плохой: злой, несправедливый, ужасный... — тут его взгляд натолкнулся на часы. — Так! Мне пора! Всё остальное — потом. А сейчас займись журналом! Пиши прямо сейчас, не ленись. Но сначала изучи его от корки до корки. Изучение началось с запаха. Подарок пах мокрой землёй, водорослями, старым учебником и чем-то ещё, совсем незнакомым. Страницы были толстыми и волнистыми — будто когда-то намокли, а потом долго сушились на батарее. Левую сторону разворота покрывала мелкая сетка, в её клетки нужно было вписывать какие-то лаги и координаты, а также высоту волны, расход топлива, скорость ветра и ещё целую кучу совершенно непонятно чего. Таблица на правом листе была шире и понятней: место, время, событие — всё чётко. Вдохновлённая этой простотой, я решительно сняла колпачок ручки и, немного волнуясь, сделала первую запись.</p> <p>Так ровно в 8:20 моя жизнь изменилась.</p> <p>Без сомнения, к лучшему.</p>						

6. Пройденное расстояние			Проект	Направление и скорость ветра	Состояние прозрачности моря	Состояние погоды, видимость	Атмосферное давление	Температура воздуха	Температура воды	13. Высота	
Проект	Факт	По плану								Время	
00-04				7	8	9	10	11	12	00-04	
04-08										04-08	
08-12			04							08-12	
12-16			08							12-16	
16-20			12							16-20	
16-20			16							16-20	

Глава первая

Свои

Алесино, 30 июня, 8:20

Папа – моряк. А также путешественник, механик, слесарь, электрик, радист, повар, спасатель и даже певец. Он говорит, что моряк должен уметь всё: прокладывать курс, чинить лебёдку, предсказывать погоду, молчать, коптить рыбу, радоваться жизни, ставить парус, защищаться, беседовать с ветром, понимать чужие языки и, конечно, отлично плавать. Там ещё много чего – всего не перечислить. Иначе, по его мнению, пропадёшь. Ах да! Как же я забыла знаменитое «Чудес не бывает», а также «Надейся только на себя» и самое любимое «Овёс к лошади не ходит». Нет, всё-таки

главные любимчики – это «Работа и Результат». Эту пр-ры-чащую парочку я просто ненавижу, даже больше, чем «уу» – «Уроки и Уборку».

Что ещё?

Папа – отличный рассказчик. Жаль, что половина его невероятных историй – красивые небылицы, но, когда его слушаешь, всё равно, правда это или выдумка. Интересно, и ладно.

Так, теперь внешность. Думаю, он не очень красивый. Точно не знаю. Когда кого-то видишь каждый день, трудно понять. С незнакомыми намного проще. Скорее всего, он похож на моржа: такой же большой, усато-бородатый, лысый, толстокожий, с прохладными ладонями. О! И лапы у него есть, так что всё правильно: он – морж!

Папа разный. Дома он один, не дома – другой. Когда рядом нет близких, он хмурый и молчаливый, даже голос чужой – злой и хриплый. Если закрыть глаза, ни за что не узнаешь, вообще другой человек. Я тоже такая. Все такие.

Конечно, я его люблю. Но терпеть не могу, когда он рубит ладонью по краю стола и орёт:

– Сначала подумай! Всегда сначала думай!

Алесино, 30 июня, 10:12

Вообще-то не каждый человек появляется на свет в моторной лодке, но у меня как-то получилось. Да, я родилась прямо посреди рюкзаков, набитых котелками, тёплыми нос-

ками, фонариками, спичками и консервами. Тем летом мои родители, тогда ещё студенты – этнограф и механик, – вместе с друзьями отправились в путешествие по Онежскому озеру.

Экспедиция посвящалась чему-то важному, вот только чему – уже не узнать, потому что папа эту историю вспоминать не любит. Из-за чего – неизвестно. На мой взгляд, она прекрасная. Лето, каникулы, студенты – одни женатые, другие пока нет, – огромное озеро, лодки... Днём путешественники передвигались по воде, а ближе к вечеру высаживались на каком-нибудь острове и там устраивали ночёвку. Островов на этом огромном северном озере больше тысячи – выбирай любой, – но ни один из них мне не подошёл. Конечно, я ничего не помню, но точно знаю, что всё случилось тогда, когда лодка оказалась между двумя островами.

Первый, Большой Лёликовский, поросший непроходимым тростником и грустной серой ольхой, подарил мне имя. А второй, Монак, крохотный, даже не остров, а голая неприступная скала с маяком на макушке, стал моим прозвищем (иногда папа зовёт меня принцессой Монакской).

Кстати, если бы лодка повернула на север, к острову Василисин, то, понятное дело, никакой бы Лёли не было. Нет, я бы, конечно, была – куда я денусь? Только звали бы меня по-другому. Василиса – ещё ладно, но если бы лодка подошла к острову Соня, то сейчас в нашем классе было бы аж три Софы. Ещё у меня был отличный шанс называться Суйсари,

Гурией и даже Гебойлудой!

Могу себе представить:

– Гебойлуда Николаевна, вы куда пропали? Мы вас везде ищем.

Алесино, 1 июля, 23:10

День рождения – всё! Закончился. Не самый лучший, но и не такой ужасный, как прошлый. Наверное, потому, что в этот раз я сразу предупредила, что не хочу *#атмосферное-кафе*, в котором *#самыйсмешнойведуций* надрывается, чтобы *#супервечеринкадляподростка* порадовала *#морегостей*. Папа очень удивился и уже открыл рот, чтобы возмутиться или предложить что-то другое, но я его опередила, закричав, что *#сказочныйторт* не хочу тоже.

Он, конечно, стал выяснять, чего я тогда хочу. Ответа у меня не было. То, что не люблю, знаю точно. А что люблю – сразу не назову, надо думать. Тогда папа предложил действовать от противного. Он прав, это помогает не только в геометрии. Совет посмотреть на всё вверх ногами сработал. Как всё, оказывается, просто:

- внутри – снаружи;
- пирожные – бургеры;
- чужие – свои.

Пазл сложился: пикник у моря! Даже удивительно, что эта идея не пришла мне в голову сразу. И вообще, зачем тратить силы на обсуждение места, времени и меню, когда на

дне рождения главное – это подарки и воздушные шары? В этом году шары были ярко-голубые, почти синие, прямо как сегодняшнее небо. Может, поэтому они так рвались вверх? Их не мог удержать даже тяжёлый валун, обросший ракушками: ветер то и дело выдирает очередной ленточный хвост, и освободившийся шар тут же улетал к облакам. Двенадцать вырвались на свободу один за другим, а последний зацепился за корягу. Привязанная к нему лента то приседала, то натягивалась как струна, но шарик оставался на месте. Когда он всё-таки распутался и рванул вверх, я проорала вслед:

– Ура, мне тринадцать!

Алесино, 2 июля, 22:37

Мама. Она есть, её нет. В телефоне – когда угодно. По-настоящему – в конце декабря. Ещё – все зимние каникулы, майские праздники и в последнюю неделю августа, когда арбузы самые сладкие. Арбуз – это не чай с печеньем. Когда ешь арбуз, некогда смотреть в глаза и разговаривать.

Миллион косточек, текущий сок, липкие руки, гора корок – не до болтовни! Всем вкусно, всем удобно.

Но мама вообще мало говорит. Это папу как понесёт – не остановишь, а она разговаривать не любит, больше слушает, ещё больше молчит. Она же учёный, а учёные не бол тают. Они исследуют, думают, пишут, отправляются в экспедиции, летают на конференции и иногда знакомятся с другими учёными со смешными именами.

Мама всё такая же высокая, остроносая, с медовыми волосами и очень серьёзная, как девочка на снимках фолк-группы с древнекарельским названием. Почти на всех школьных фотках она в народном костюме: платок, длинная юбка на лямках, фартук с бахромой, рубашка с пышными рукавами плюс накидка-плед. И вот во всей этой красоте она то танцует, то поёт, то грамоту получает. Когда она уроки делала и как её в науку занесло – вообще непонятно. Наверное, лапы гуся помогли: накидка застёгивалась на крупную серебряную брошку, с которой свисали три гусиные лапки (тоже серебряные) – древние карелы правильно думали, что это красиво.

Когда мама уезжала, с собой она взяла только эту брошку. Вообще-то она планировала взять ещё и меня, но папа решил по-другому. Или это я так решила? Хотя кто бы меня в шесть лет спрашивал? Нет такого закона, чтобы у шестилетки спросить: ты с кем? А вот сейчас уже можно. Но у нас всё давно задано. И давно отвечено.

Всем вкусно, всем удобно.

Алесино, 5 июля, 10:10

Вчера папа как бы между прочим поинтересовался:
– Как там дела с журналом? Заполняется?

Когда я ответила: «Вроде да», он довольно усмехнулся и сказал: «А я тебе говорил! Это вещь, это настоящее!» Потом он зачем-то вспомнил давнишнюю историю про одну из

моих страниц в интернете, которая, кстати, прожила всего два дня: я и сама поняла, что она не нужна, и завела другую, только теперь папе уже ничего не показывала. Что тогда было – ужас! Противно вспоминать. Он орал, что я развесила бельё перед всем миром (хм, какое бельё? Там была фотка обглоданной селёдки), что мне потом будет стыдно, но ничего не изменишь, потому что там – он выхватил телефон и тряс им так, как будто его било током, – всё остаётся навсегда!

Его возмущало всё: фотка селёдочного скелета, подпись «ПИИИТЬ!» и даже один-единственный комментарий. Ещё он расписуховался из-за списка друзей – никак не хотел понять, что их совсем не обязательно знать в лицо и ходить к ним в гости. Он совершенно не мог себе представить, что виртуальные друзья – это... ну, как звёзды на ночном небе. И чем их больше, тем красивей.

Закончив с воспоминаниями, он решил закрепить победу: – Ну сейчас-то ты поняла, что дневник дневнику рознь? Как говорится, почувствуйте разницу! Но, пожалуй, главное преимущество – это безопасность. Согласись, у бумажного она на высоте.

Соглашаться не стала из вредности, но да, он прав. Кому интересна какая-то старая серая книжка без картинок? Её не взломаешь.

Алесино, 6 июля, 10:10

Оказалось, что целую неделю я живу без позывного. Вы-

яснилось это случайно: в новостях сообщили, что рыбацкое судно, попавшее в шторм, больше десяти часов не отвечало на позывной. Папа тут же поинтересовался: а я-то как? с позывным? И очень удивился, когда я ответила отрицательно. Он завёлся не на шутку (может, из-за пропавших рыбаков?) и, покричав, что у меня всё всегда тяп-ляп и на бегу, потребовал изучить все страницы журнала.

– Слышишь, все! А не через одну!

Я пыталась объяснить, что со своими вещами делаю что хочу, но, само собой, он ничего не хотел слышать. Журнал действительно был заполнен не *#какположено*. Кое-кто был прав: кое-что я пропустила. Самая первая страница требовала:

Название судна _____

Владелец судна _____

Порт приписки судна _____

Позывной сигнал судна _____

Название никак не придумывалось. Те суда, которые заходили в наш порт, назывались совсем уж скучно: например, «Профессор Муравьёв», толкающиеся в марине яхты – сплошные «Анабеллы» и «Авроры», что, по-моему, в тысячу раз хуже неизвестного мне профессора. Недолго подумав, я наконец решила, что названием будет моё имя, владельцем – фамилия. С портом приписки тоже особо не мучилась, всё ж понятно: Алесино! А для позывного пригодился мой почтовый пароль, состоящий из клички соседского кота и номера

школы: nestor17.

Теперь не пропаду.

Алесино, 8 июля, 15:18

Мой лучший друг – Алёна, или просто Алё. Больше друзей нет, не было и, наверное, не будет. Она самая-самая. Только с ней я могу смеяться просто так, без причины.

Увидели друг друга – и засмеялись. Сразу и до упаду. Ничего смешного рядом нет, а мы умираем от смеха.

Встретились, и началось:

– Алё?

– Лёлё!

– Лёлё?

– Алё!

Иногда остановиться совершенно невозможно – уже хочется замолчать, перестать икать и спотыкаться, но смех распирает, раскачивает, растрясывает. Прекратить это безобразие можно единственным способом: надо, чтобы кто-то рядом громко топнул, хлопнул и заорал:

– Хватит!

Или:

– Прекратите, в конце концов!

Вот тогда Алё и Лёлё резко идут на посадку. Оп! Приземлились. Отстёгиваемся. Дышим. Остываем.

Алесино, 8 июля, 15:50

Алё можно всё, её никогда не наказывают. Телефон не арестовывают, оценками не интересуются, интернет не выключают. Она может показывать свои видео всему миру, оставлять любые комментарии, сама покупать одежду и ходить в гости хоть каждый день. Но она и не делает ничего такого, за что можно было бы наказать: уроки у неё всегда сделаны, задания записаны, гуляет до девяти, комментировать не любит, оценки отличные. Ещё у неё всё красивое. Так не бывает, но у Алё действительно всё прекрасно: одежда, походка, комната, даже почерк. Её «ю», «ж» и «ш» ни за что не повторить. Только про её письменные говорят: «Ребята, берите пример, это же настоящее произведение искусства!»

Алесино, 8 июля, 17:00

Богдан – он свой или нет? Если свои – это те, кто называет меня Лёлей, то да. Но это случается пару раз в год, хотя вижу я его почти каждый день, так что записывать ли его в свои – большой вопрос. Ни за что не скажешь, что он родной брат Алё. Она – примерная, он – ужасный. Её всегда хвалят и награждают, его, наоборот, ругают и лишают.

Из общего – только улыбка: у них один (кажется, левый) уголок рта ползёт вверх, а противоположный вообще не шевелится! Я пробовала повторить – не получается. Нет, что-то, конечно, получилось, но улыбкой это назвать трудно. Из зеркала на меня смотрело несчастное существо, которому только что вырвали зуб. Нет, три зуба.

Алесино, 10 июля, 10:10

В Алесино мы переехали почти семь лет назад. Раньше жили на севере. Север вспоминать не люблю, хотя отлично помню и холодное море – то свинцовое, то молочно-серое, и жалобные коротышки-деревья, и бесконечную полярную ночь. Снег тоже никогда не забуду: сияющий, мокрый, грязный, пушистый, колючий, лёгкий. Всё время: снег, снег, снег.

Помню подъезд с поцарапанными почтовыми ящиками, такими мятыми, будто они бумажные, а не железные. И дорогу в детский сад помню, и как родители школу выбирали – спорили, какая лучше: которая почти во дворе, но уж слишком простая, или новая, но до которой просто так не добратся. Спорили, кстати, зря. Мама как раз в тот год уехала.

После мамы уехали мы с папой. Он очень хотел взять с собой «стариков» – деда Валю и бабушку Галю, но, как их ни упрашивали, они так и не решились на переезд.

И мамина мама – бабушка Майя – тоже там осталась, но её никто не уговаривал, она сразу сказала, что никуда не уедет, потому что могилы бросать нельзя. А потом она умерла... Мне про это долго не говорили – типа, берегли от плохих новостей. Мне вообще-то про многое не рассказывают. Ни про плохое, ни про хорошее.

Пора бы и привыкнуть.

Алесино, 11 июля, 11:17

На юге хорошо. Всегда тепло. Даже зимой. Всё отлично, кроме ветра. Иногда он набирает такую силу, что запросто может сорвать крышу или согнуть светофорный столб. Но самое страшное (хотя и весёлое тоже) – это когда ураган подхватывает и несёт неизвестно куда. Куда – не угадать, где захочет, там и отпустит. Если повезёт, то припечатает к ближайшей стене, нет – полетишь дальше. В таких случаях надо просто лететь и ждать приземления.

Этот ветер страшный-престрашный, но недолгий. Обычно нужно потерпеть всего три дня. Только три, очень редко – неделю, но это не триста тридцать три, как на севере! Выдержишь – отлично, всё остальное время никакого снега и холода. Только солнце – яркое, жаркое, ласковое, утомительное, надоедливое, высокое-высокое. А ещё горы, стрекозы, светлячки, абрикосы, черешня, виноград и тёплое море.

А что может быть лучше тёплого моря?

Алесино, 12 июля, 10:10

Многие думают, что Инна – моя мама, и если встретят нас вместе, то обязательно скажут про две капли воды. Хотя это не так, мы очень разные, просто одеваемся похоже.

Она тоже любит брюки, шарфы и всё одноцветное. И размер у нас один. Только я *#крупныйподросток*, а она *#какдевочка*.

На севере Инны не было, она появилась в доме через три года после переезда. Однажды, когда вернулась из школы,

папа крепко взял меня за руку и повёл на кухню:

– Я хочу, чтобы ты познакомилась с...

Инна, высокая, какая-то воробьино-взъерошенная, стояла у окна и делала вид, как будто что-то высматривает. Со спины она мне не понравилась. Вообще. Услышав наше шуршание, она вздрогнула и обернулась. Представляю, какого труда ей стоило улыбнуться и непринуждённо сказать:

– Привет! Я Инна, а ты?

Папа сделал вид, что ему нужно срочно отлучиться, – понятное дело, струсил. А я... Здраваться я не стала, но почему-то сразу назвала своё домашнее имя. Это значило, что мы кое-как подружились, потому что Ё – пароль для своих. Для чужих я – Оля или Ольга.

Инна не стала спрашивать, какие мультики я люблю, не подарила куклу или шоколадное яйцо. Кивнув, она легко коснулась моего плеча, а потом упорхнула. Как бабочка.

Вместо неё появился папа:

– Ну как?

Не дождавшись моего ответа, он тихо, но твёрдо сказал:

– Лёль, она правда золото.

Алесино, 12 июля, 11:15

Раньше Инна работала тренером по плаванию. Она коротко стриглась, носила спортивный костюм и свисток. Ну да. Кого-то гусиные лапы украшают, а кого-то – пластиковый свисток. Потом что-то произошло, скорее всего, что-то не

очень хорошее: с тех пор как Инна уволилась, бассейн в нашем доме никто не вспоминает. И волосы она отрастила – если честно, ей не идёт.

Последние полгода Инна работает в двух местах. До обеда распечатывает квитанции в «Расчётном центре», а после – варит кофе в «Золотом быке». «Бык» и «Центр» очень похожи: и там, и там все боятся директора, зевают, сидят в телефонах и часто смотрят на часы. Инне всё это очень не нравится, но она не злится. Папа бы на её месте взорвался от бешенства, а она спокойно переживает одно, потом терпит другое. Ни оха, ни вздоха – настоящий расчётно-кофейный робот.

Алесино, 14 июля, 10:10

Алесино – это посёлок, можно сказать деревня. Но в нашей деревне не доят коров и не выращивают капусту, потому что она здесь не простая, а морская, и вместо индюков, куриц, уток и кроликов (которые вообще-то у многих тоже есть) у нас лодки, удочки, сети, канаты и коробки с крючками и блёснами.

Наш дом почти на берегу. Папа купил его у пожилого рыбака, который на прощанье сказал: «Только дом не ломай. Всю душу вложил». Старик боялся, что вместо его дома мы построим что-то новое, потому что в Алесино почти всё ломают, переделывают и перестраивают. Были маленькие рыбацкие домики, а стало #жильёуморя – тесные гостиницы с

кучей дверей и балконов.

Ломать мы ничего не собирались, дом нам сразу понравился. Он не большой и не маленький, с зелёной крышей и широкой дверью, с верандой, до которой во время сильного шторма долетают клочки морской пены. Он – просто дом.

Любимый.

Алесино, 15 июля, 17:30

Ура, практика закончилась! Все дела переделали: парты переставили, окна перемыли, таблицы перевесили, микроскопы упаковали, плакаты пересчитали, пособия переложили, учебники получили и главное – в новый, то есть седьмой, класс перевелись. Магния зачитала список библиотечных должников, внимательно изучила, все ли расписались в Правилах летней безопасности.

Закончив дела, наша прекрасная классная Агния Михайловна звонко щёлкнула пальцами, радостно объявила: теперь мы свободны до самой осени, – и в миллионный раз извинилась за то, что из-за школьного лагеря, в котором она была почти самой главной, наша практика сдвинулась на целый месяц. Всех ещё в июне отпустили, а нам, как всегда, везёт.

Сегодня в первый раз видела Магнию бодрой. Обычно она всегда страшно уставшая. Кажется, у неё нет сил даже на то, чтобы крепко держать пинцет, – он всё время выскакивает из её пальцев и металлическим кузнечиком прыгает по столу.

Магния вечно грустная и измотанная: свой стул на колёсиках отодвигает как огромное неповоротливое кресло. И смеётся еле-еле, как будто боится задохнуться от лишнего воздуха.

Она... Она похожа на батарею старого телефона. Не держит заряд.

Алесино, 16 июля, 10:00

Повезло. Одна «Алгебра» дряхлая и разрисованная, всё остальное гладкое, блестящее и пахнет краской – я не мама, древние рукописи не люблю и петроглифами не восхищаюсь. Из предметов ничего нового, кроме химии. Вообще, у всех она с восьмого. Однако *#мыособенные*, у нас *#профиль*. Учебник кажется ужасно сложным, но с Магнией можно ни о чём не беспокоиться. Ещё в прошлом году она записала нас всех в свой кружок «Кислород», где мы научились выращивать соляные кристаллы, выделять углекислый газ из колы, добывать чернила из кожуры баклажана и светить сахаром в темноте. Если там было интересно, то и на уроках, наверное, тоже.

В этом году, скорее всего, никуда не буду записываться. Все учителя пугают, что игрушки закончились и надо настраиваться на работу. Но они это говорят со второго класса. Каждый год одно и то же: игрушки-работа, игрушки-работа. Или это они себе напоминают? У нас игрушки давно закончились, может, у них что-то осталось?

Алесино, 17 июля, 23:00

С Инной что-то случилось. Она пьёт кофе! Дома она никогда это не делает. Ни-ко-гда. Мы не покупаем кофе вообще, потому что он напоминает ей работу. Для гостей где-то спрятана банка растворимого, но где – никто не знает. Гости к нам приезжают редко. Вообще-то бабушка Галя обещала в конце августа приехать, но и она кофе не пьёт.

Возможно, кофейный секрет прячется в конверте в прихожей. Но там, кроме диплома тренера и фотографий на документы, больше ничего. Да, я его открыла. А что мне оставалось делать? В конце концов, нужно разобраться, что происходит.

Кофе, конечно, пахнет здорово. Но только не у нас дома. В нашем доме он пахнет тревогой и переменами. Папа, кстати, тоже какой-то странный. Постоянно смотрит на телефон, явно боится что-то пропустить. Конечно, лучший способ получить ответы на все вопросы – это заорать на весь дом: «Люди! Кто-нибудь скажет, что здесь происходит?»

Но у нас так не принято.

Алесино, 18 июля, 20:00

Как научиться не топать? Алё сказала, что я топаю как слон. Даже показала. Обидно, но вообще-то она права. Есть такое. Хожу я не очень. Плаваю и ныряю без проблем. Бегать люблю, особенно обожаю тот момент, когда отталкиваешься, – это круче всего. А вот с ходьбой проблемы: ноги то

запутываются, то подворачиваются, то не сгибаются. Не всегда, конечно, но бывает. Иногда как по карусельному кругу идёшь и понимаешь: да, Земля реально вертится.

Я даже помню день, когда это началось. Тогда меня долго не забирали из детского сада. Воспитательница красила ногти, я катала по подоконнику петуха на колёсах – туда-сюда, туда-сюда. Колёса были мятые, поэтому петух часто тормозил, когда он останавливался, зрачки в его пластиковых глазах страшно подпрыгивали, и мне казалось, что мама и папа никогда не вернутся и он заберёт меня к себе.

Но забрал меня не петух, а бабушка Галя – она появилась, как раз когда накраился последний ноготь. Галя быстро, но больно засунула меня в сапоги, и мы пошли к ней домой. По дороге она часто останавливалась – перекладывала тяжёлую сумку из руки в руку и отдыхала. Стоять с ней было неинтересно, я убегала вперёд и, от души изваявшись в снегу, возвращалась. Гале это почему-то не нравилось, она требовала, чтобы я шла рядом, но я её не слушалась. Галя хмурилась, злилась, пыхла, а потом вдруг сказала:

– Ты чего такая косолапая? На следы свои посмотри. А ну-ка исправляйся!

Из косолапых я знала только мишку, который шёл по лесу, собирал шишки и пел песни. И в стишке его косолапость вообще не была проблемой, вот ни разу! Но в реальной жизни это оказалось чем-то не просто плохим, а ужасным – тем, с чем надо срочно бороться. Вот тогда всё и началось: «Следи

за ногами, ёлочкой ходи, ёлочкой, вот так. Старайся, и всё получится...»

Алесино, 19 июля, 20:30

Нет, переучиваться не буду. Никаких цыпочек и летящих походок. Как топала, так и буду топать. Хоть кому-то от этого польза. Услышав мои тяжёлые шаги, папа отпрыгнул от Инны как от горячей кастрюли. Смешно. Если бы не дёрнулась, я бы вообще ничего не заметила. Ну обнимаются люди, ну носами трутся, и что теперь? Всё понятно, за четыре года можно было привыкнуть. Но папа, конечно, странный. Иногда ведёт себя так, как будто того дня, когда он познакомил нас с Инной, никогда не было.

Когда дома и я, и она, он всегда какой-то примороженный – может, поэтому Инна к нам нечасто заходит. По отдельности с ними проще. И папа нормальный, и Инна не испуганная курица с красным носом.

Алесино, 20 июля, 20:05

Поболтали с мамой. В этом августе она не приедет: важная экспедиция – долгожданная – невероятная удача и большой шанс – надо успеть до ноября – потом, сама понимаешь, замёрзнем как мамонты – да, Мика тоже едет, темы смежные, повезло – люблю – целую – надеюсь, встретимся на Рождество – загадывать не будем – хорошего лета.

Хм, ну да. Всё понятно: *#сотрудничество* и *#северпол-*

ныйзагадок.

Ну что ж. Лето пропускаем. Арбузы поедим без мамы.

Алесино, 21 июля, 19:30

Папа дико нервничает: ходит туда-сюда, страшно вздыхает. Завтра интервью, на котором решится, уйдёт ли он в рейс. Именно сообщение о дате и времени интервью он и боялся пропустить. Я понимаю, папа уже почти год на берегу. Из-за этого иногда (а в последнее время всё чаще) срывается и орёт: «Без работы я – никто! Пустое место».

На интервью нужно быть спокойным и приветливым, поэтому папа репетирует: раз в час останавливается перед зеркалом, расправляет плечи и пытается улыбнуться.

На этот раз папа пытается попасть на настоящий круизный лайнер. Он всегда работал на сухогрузах и контейнеровозах – на них быть приятным и улыбчивым вроде не обязательно. Они ж ящики перевозят, а не туристов.

А тут ему кто-то посоветовал не хмуриться на собеседовании – типа, туристы разбегутся. Наверное, это был какой-то прикол, но папа в него реально поверил. Ну да, люди – не ящики, кто-нибудь и обидится. У него иногда такое лицо, что... Хотя кто его увидит в машинном отделении?

Приветливость папе даётся с трудом: улыбка то идиотская, то вымученная. Пришлось успокаивать:

– В конце концов, ты не стюард и не фокусник! Ты – механик! Отличный механик. Всё будет хорошо!

Он сделал вид, что и сам в курсе:

– А кто-то в этом сомневается?

– Здесь – никто. И там, – я махнула в сторону порта, где находится офис компании, – никто. А уж здесь, – я повернулась к окну, которое выходит на море, – вообще никто не сомневается. Ни одна креветка. Поверь.

– Согласен. И через пятнадцать часов мы все в этом убедимся.

Алесино, 24 июля, 21:45

Сегодня куча невероятного. Первое: папа получил работу. Но это, скорее, вероятное. Второе: Инна тоже идёт в круиз. Не механиком, конечно. Администратором бассейна. Оказалось, анкету она отправила ещё в начале лета и даже успела пройти стажировку – ага, секрет конверта раскрыт. Для папы эта новость оказалась большим сюрпризом.

– Интересный ход, – сказал он, почёсывая подбородок.

Потом папа быстро очнулся и начал выяснять, что бы делала Инна, если бы он не получил контракт, – ушла бы в море одна? Она хитро ответила, что нисколько не сомневалась, что его возьмут, поэтому оформлялась тоже. Папа это кое-как принял и даже улыбнулся, но вдруг его пронзила молния:

– Стоп! А Лёлю куда?

Меня эта молния убила на пару минут раньше. Всё-таки взрослые думают медленнее, чем дети. Как только Инна объявила о своей победе над «Быком» и «Центром», мне сра-

зу стало понятно, что с этой минуты я *#беспризорный подросток*, а это значит, что или кто-то останется без работы, или кого-то куда-то отправят. Какой вариант выберет папа, конечно, было сразу понятно: долгожданной работой не пожертвуют ни он, ни Инна. Тем более что всё складывается. бабушка приезжает в августе. Приедет с севера одна, а вернётся уже со мной. Ну не к маме же меня отправят! Она, как всегда, в неизвестно какой экспедиции и, как говорит бабушка, неизвестно с кем. Но вообще-то последние три года она с Микой, по крайней мере на фотках они всегда вместе.

Удивительно, но для папы решение не было очевидным. Он долго ходил туда-сюда, растирая шею ладонью – это был верный признак того, что проблема серьёзная. Инна устала в окно, а я – в салат. Эту жуткую тишину нарушил звонок мамы Алё. Оксана Савельевна (или просто Оса) не стала летать вокруг да около, а сразу выпустила своё жало:

– Николай Валентинович, вам надо отпустить Олю в круиз. С нами, конечно. Не волнуйтесь, ни за что платить не надо, попадаем на акцию: второй ребёнок до шестнадцати лет бесплатно, а это значит, кроме нашей Алёны мы можем взять кого-нибудь ещё...

Оса и так громко разговаривает, а тут от волнения она орала так, что никакая громкая связь не понадобилась – и так всё слышно.

Папа напомнил, что у Алё есть старший брат Богдан – разве он не едет? Оса сказала, что ему скоро семнадцать и он,

конечно, тоже едет – будет жить в каюте с дедушкой. Папа растерянно заметил, что дети растут очень быстро; больше ему сказать было нечего. Оса воспользовалась заминкой и продолжила атаку, рассказав, что у нас с Алё будет отличная отдельная каюта, но сразу пообещала, что и она, и Як, то есть Алёнин папа Ярослав Константинович, будут всегда рядом, можно не волноваться, всё будет на контроле.

Волшебное слово «контроль» стало решающим. Папа перестал мять шею и сказал:

– Добро.

Итак, третья невероятная новость: я в списке пассажиров!!!

Алесино, 30 июля, 10:05

От безделья и бесконечного ожидания пришлось заняться дневником летнего чтения. Ужас: в списке примерно двадцать книг! По-честному прочитаны только «Капитанская дочка» и «Ревизор», остальное спишу у Алё. Она, как всегда, впереди, и ей, как всегда, повезло – готовый дневник достался в наследство от Богдана. Если Алё переписала дневник за пять дней, то я справлюсь за два: мои буквы не такие круглые и красивые, зато быстрые, ну и сократить кое-что можно.

Выкручусь. Время ещё есть.

Алесино, 15 августа, 10:00

Сколько можно ждать?

Больше не могуuuuuuuuuuuuu.
Когдаaaaaaa?

Алесино, 18 августа, 20:40

Алё в дикой панике. Забросала меня фотками одежды, которую собирается взять с собой. Я устала отвечать, что всего этого хватит на три кругосветки, но она всё не верит. В отличие от неё, я точно знаю, что неделя лета спокойно уместится в рюкзаке. Засомневалась только из-за книжки: в путешествиях обычно не читается – проверено, но раз папа сказал что-нибудь взять – надо брать, иначе из дома не выпустит. «Что-нибудь» оказалось мифами Древней Греции – папа сам вытащил из шкафа и запихнул в мой рюкзак.

Алесино, 19 августа, 18:15

Сегодня много телевизора.

«Этот грандиозный красавец, которого вы видите за моей спиной, отчалит буквально завтра. Его пассажиров ждут жемчужины Чёрного и Эгейского морей, а также...» – орала в микрофон девушка-корреспондент. Её длинные волосы красиво лохматил ветер. Позади девушки – маяк, за маяком – белая громадина, наш лайнер. «Это надо видеть своими глазами! Это... Это просто невероятно!» – девушка округлила и так огромные глаза, давая понять, что всех, кто купил билеты, ждёт что-то действительно потрясающее.

После причала она перелетела в офис компании, которая

организовала круиз. Директора компании просто распирало от счастья. Он был рад всему: этой шумной девушке, новейшему круизу, отличным финансовым показателям, профессиональному экипажу (здесь папа довольно кивнул), отличной погоде, нашему замечательному городу, доверившимся им пассажирам – короче, всему на свете.

Напоследок девушка рассказала, что у артистов развлекательных программ кастинг был даже сложнее, чем у технических специалистов (здесь папа недовольно фыркнул). Рядом с ней стоял парень в красных очках – всем известный Сеня-Баян. Летом он поёт на набережной, а когда холодно – в боулинге или батутном центре. Он ещё громче, чем девушка, прокричал, что для прослушивания подготовил песню на четырёх языках, всё прошло отлично, всем понравилось. Сеня предложил спеть прямо сейчас, однако, получив вежливый, но твёрдый отказ, совсем не расстроился: тут же начал хвастаться, что может стоять на руках, владеет аккордеоном, скрипкой, укулеле и... Устав кивать, девушка начала прощаться, но Сеня выхватил у неё микрофон и начал петь. На этом репортаж заканчивался.

– В Кушадасах спишут, – сказал папа.

– Что за Куша?.. Дальше забыла.

– Кушадасы. Второй порт захода. Вот там его и спишут.

Сразу после вечернего концерта.

– Почему? Плохо поёт?

– Нет, поёт хорошо.

– Тогда почему спишут?

– Потому что место своё не знает.

Алесино, 19 августа, 22:50

Утром в дорогу.

Все #нанервах.

Инна, честно говоря, достала. Звонит десятый раз и каждый раз уточняет, всё ли мы взяли. Проще было приехать и проверить самой – не на Северном полюсе живёт. Папу эти звонки выбешивают, потому что отвлекают от беседы с газовым котлом – он пытается уговорить его не ломаться, пока его не будет дома. Котлу всё равно: как моргал голубой лампочкой, так и моргает. Папа разрывается между решением выдернуть его из розетки или оставить инструкцию для бабушки Гали. Но для неё уже и так куча записок – на духовке, холодильнике, стиралке, кондиционере. Несколько дней ей придётся жить одной, я вернусь только 27-го. Правда, если что-то случится с котлом или какой-нибудь трубой, я вряд ли смогу помочь – в этом деле от меня пользы никакой.

Но ладно, о неприятностях лучше не думать. Самое главное, что впереди целая неделя счастья. Что будет потом, никто не знает. Как говорит папа: «Доживём – увидим».

Глава вторая

Переход

Алесино, 20 августа, 11:05

Дома непривычно тихо. Сквозь сон помню скрип калитки, выпускающей Инну, потом осторожные шаги, какое-то шуршание, свисток чайника и звон ложки, размешивающей сахар, грохот чемоданных колёсиков, дальше опять калитка: всё, ушли. Честно говоря, я была уверена, что меня пригласят на завтрак, но с сегодняшнего дня пассажиры – налево, экипаж – направо.

Из порта выходим в пять, регистрация до трёх – в запасе куча времени. Через часик поеду к Алё, дома делать нечего. Вода, свет и газ отключены, еды, кроме остывшего чая и бу-

терброда, нет, заняться нечем. Мифы, что ли, почитать?

Не завидую бабушке: приехать в голодный и холодный раскалённый на жаре дом – то ещё удовольствие. Но папа надеется, что вернуть дом к жизни помогут его инструкции, которые он сочинял весь вчерашний день. Ага, «отжать рычаг до упора» или «второй тумблер слева на нижнем щитке» – это элементарно.

Убедить папу в том, что его старания напрасны и что, скорее всего, ничего бабушка ни читать, ни включать не будет, а пойдёт жить к соседке, было абсолютно невозможно – в инструкции и правила он верит больше всего на свете. С другой стороны, может, папа мучился не зря. Пустой холодильник обязательно заставит Галю действовать, потому что для неё отсутствие еды – это катастрофа, которую надо срочно ликвидировать.

Алесино, 20 августа, 12:05

Мама наконец-то ответила. Оказалось, что там, куда их занесло неделю назад, интернета не существует, поэтому новость про круиз увидела только сегодня. Ну что ж, причина уважительная. Это когда я на связь не выйду, начинается всемирный розыск, а взрослым прощается всё.

Ответ короткий. Она очень за нас – то есть за меня и папу (про Инну я ничего не писала) – рада. Обнимает и желает ярких открытий.

Хм. Какая-то открытка. Не хватает розы или котёнка. Мо-

жет, это не мама писала? Тогда кто? Мика? Нет, он бы написал *Я есть хорошо радоваться много* или что-то такое. Тогда кто отправил это неживое сообщение?

Полярный бот?

Алесино, 20 августа, 13:30

Не успела зайти, как Оса отобрала паспорт и быстро спрятала его в толстую прозрачную папку. Даже не представляю, чтобы моя мама так выдернула что-то у Алё. Хотя, впрочем, мне маму и в других ситуациях представить трудно. Общаемся нечасто, а значит, толком друг друга не знаем. Но уж паспорт бы она так точно не вырвала. Уверена.

Через плёнку папки просвечивают красивые билеты, на каждом – картинка приторно счастливой семьи. Все – и папа, и мама, и милые тройняшки (набор мальчиков и девочек не совсем понятен – какие-то они все одинаковые) в серебряных скафандрах. Сверху звёздное небо и все возможные планеты, а внизу старательно выписанные буквы: «Галактика ждёт!» Кто не знает, тот удивится: а чего это они в космонавтов нарядились, а не в моряков? Всё просто: «Галактика» – название нашего корабля, который нас действительно заждался. Впрочем, как и мы его.

О! С улицы сигналият. Так, микроавтобус! Ну да, в обычную машину мы все не поместились бы. Компания большая – аж три двухместные каюты.

• Оса + Як;

- Богдан + дедушка Константин Максимович;
- Алё + я.

Галактика, дорогая, потерпи! Мы скоро!

«Галактика», 20 августа, 16:00

Оказалось, что наши каюты разбросаны по всему кораблю: они разных классов и, значит, находятся на разных палубах. К тому же по документам я как будто живу с Осой, а Алё – с Яком. Ну понятно, маленьким детям без взрослых нельзя. Так что в очереди пришлось стоять за ручку с Осой – Алё и остальные прорвались вперёд раньше. Ладонь Осы (а может, и моя тоже) быстро вспотела, но, как я ни пыталась ускользнуть, у меня ничего не получалось. Алё как-то говорила, что раньше её мама работала воспитательницей в детском саду. Да, так крепко держат руку только они, ну и ещё папа – когда через дорогу переходим, до сих пор держит меня, как будто мне пять лет.

Столько народу я никогда не видела. У трапа была настоящая давка, потом стало понятно почему. Многие пассажиры вместо того, чтобы отправиться в каюту, задерживались у фотозоны. Мы там застряли тоже, но не для того, чтобы всунуть голову в розового инопланетянина или в бородатого капитана, а для разговора с неожиданно встреченной Инной. Она, внезапно стриженная (когда успела: вчера вечером, сегодня утром или уже здесь?), выхватив нас из толпы, поинтересовалась, знаем ли, куда идти. Оса, внимательно рассмот-

рев её короткий серебристый межгалактический жакет и узкие тёмно-синие брюки, обиженно ответила: «Конечно нет. Помогайте!»

Тайные пути и секретные лестницы привели в каюту, где нас ждали Алё с отцом. Если бы не Инна, мы бы добрались туда ночью, не раньше. Пока родители обнимались и возмущались долгим заселением, Алё отвела меня на балкон. Горы, порт и наше Алесино с корабля выглядели очень непривычно. Милые, но какие-то чужие. Знакомое только море.

Пока Чёрное.

«Галактика», 20 августа, 17:20

Наконец-то мы расселились не по документам, а по интересам. Не знаю, как Осе с Яком и Богдану с дедушкой, но мы с Алё просто пищим от счастья. Мы уже и обнимались, и фоткались, и прыгали на кроватях, и валялись на полу, и бегали по коридору – вроде бы вся восторженная программа выполнена. Вещи ещё не принесли, из-за этого Алё немного психует – ей срочно надо переодеться. Прямо сейчас ей нужны белые шорты, без них она никак. Вообще-то всех пассажиров предупредили, что чемоданы, которые мы сдали в порту, вернутся к нам ночью или рано утром, поэтому всё самое необходимое, например лекарства, лучше в багаж не сдавать. Но меня это вообще не касается – никакие чемоданы мне не понадобились, всё впихнулось в рюкзак.

По сравнению с каютой родителей Алё наша кажется тес-

ной и тёмной. Но она наша, и это самое главное. Моря не видно, но его можно почувствовать – немного качает. Значит, потихоньку идём.

Осе наше жильё не понравилось.

– Понятно, по акции всучили внутреннюю... – недовольно сказала она, осматривая каюту. – Без окон, без дверей.

На дверь Оса наговаривает: она на месте, – а вот иллюминатора у нас действительно нет, вместо него – круглое зеркало. Пока не очень ясно, хорошо это или плохо. Зато есть две кровати, накрытые покрывалами с хвостатыми кометами, ещё маленький холодильник, шкаф, телевизор, письменный стол, на котором уместились телефон, листы бумаги, рекламный журнал, ваза с леденцами, программа развлечений и две пластиковые карточки с именами жильцов. На одной выдавлено OLGA KELAREVA. Хм. Ерунда, а почему-то приятно. Какая-то непривычная странная щекотка. Может, от важности? Всё-таки корабельная карточка – самая главная вещь в круизе. Она не только паспорт и ключ к каюте, но и напоминка номера обеденного стола. Судя по цифре – 148, столовая здесь огромная. Но вообще-то на карточке есть цифра поважнее: это номер спасательной шлюпки, к которой нужно бежать в случае опасности – понятно какой.

Надеюсь, до этого не дойдёт. В любом случае, плаваю я отлично. Плюс вода сейчас тёплая – продержимся. Блин, что за бред.

ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО

С берега «Галактика» кажется огромной, а на самом деле через три часа уже изучен каждый уголок. И что мы здесь будем делать целую неделю? Пассажиров не видно, все разбрелись по каютам. Папа прав: книжка здесь жизненно необходима. И журнал, конечно. Правда, писать пока нечего.

Если верить листку с программой, после ужина будет какой-то приём капитана. Надо сходить. На приёмах я никогда не была.

«Галактика», 20 августа, 20:10

Перед ужином объявили учебную тревогу. Сначала за гудела сирена, потом вдруг включился телевизор. Это бы так неожиданно, что я чуть с кровати не свалилась, а Алё, красившая ресницы, даже выронила тушь! Только мы успокоились, как на экране вдруг заморгал оранжевый восклицательный знак и ласковый, но твёрдый голос пригласил всех на какой-то космодром.

Мы выглянули в коридор и, увидев выскакивающих из кают соседей, рванули тоже. Направление бега указывали большие стрелки и моргающие лампочки – все они вели к тому самому космодрому, который оказался просто большим за-

лом со сценой и креслами. Там мы научились надевать спасательные жилеты и посмотрели короткое кино про то, что делать и куда бежать, если «Галактика» пойдёт ко дну. После инструктажа всем нужно было подняться на главную палубу, чтобы там найти свою спасательную шлюпку. Я свою, конечно, запомнила, но, думаю, во время кораблекрушения немногие будут сверяться с номером на карточке – скорее всего, залезут в первую попавшуюся. Проверять, так это или нет, надеюсь, не придётся.

«Галактика», 20 августа, 21:05

Отдыхаем от ужина. Чего там было больше – людей или еды, – сказать трудно. Пожалуй, еды. Вечер обжорства открыли камбалы в помидорных розочках. Как только их торжественно внесли в зал, все захлопали, как на концерте. Я, кстати, тоже – не знаю, что-то нашло. Вслед за камбалами появился шеф-повар. Приняв аплодисменты, он поклонился, пожелал приятного аппетита и, устроившись у рыбного стола, принялся наблюдать за своими подшефными – официантами, камбалами и, конечно, гостями.

Гости были страшно голодные и слишком нарядные. Большинство оделись так, как будто не поесть пришли, а отпраздновать что-то важное. Хотя их понять можно: целый день ничего не ели, плюс нервотрепка на посадке. Правда, несколько пассажиров после учебной тревоги решили не переодеваться – так и остались в спасательных жилетах. Старший офи-

циант сделал им замечание, но они его успокоили:

– Шеф, всё нормально. Так надёжней.

Официант покачал головой и вроде бы собрался идти по своим делам, как кто-то за жилетным столиком включил трек из «Титаника» и громко заорал: «Капитан! Айсберг по курсу!» Многие в зале засмеялись, но некоторые, как Оса, от испуга или замерли, или что-нибудь уронили: нож, вилку, салфетку. Официанта песня не напугала, но не понравилась точно – сильно нахмурившись, он быстро вышел из зала. Жилетки немного напряглись, потому что, куда он отправился, было не очень понятно: может, на кухню за новым блюдом, а может, к помощнику по безопасности. Немного посоветовавшись, они быстро скинули жилеты под стол и молча уткнулись в тарелки. Потом ничего страшного не было – их никто не ругал и не наказывал. А если и было, то мы с Алё все равно бы ничего не увидели, потому что отправились в другой конец зала за десертами.

Мы так объелись, что еле дышали, но всё равно кружились вокруг стола со сладостями, из которых самыми впечатляющими были зефирные лебеди, больше похожие на откормленных гусей, чем на тех жалобных тощих бедняг, которые в феврале прилетают зимовать на Алесинские лиманы. Но даже если бы в наших животах осталось хоть немного свободного места, лебеди нам всё равно не достались бы – оказалось, что они предназначались только для пассажиров-молодожёнов. Кстати, одного из лебедей, самого маленького –

можно сказать, лебедёнка, – быстро унесли со словами «Простите, это персоналу», как будто кто-то из команды неожиданно решил пожениться прямо во время ужина.

Но и без этого лебедёнка интересного было немало. Перепробовав всё на свете, мы с Алё отправились в каюту, переваливаясь как две неторопливые жирные утки.

«Галактика», 20 августа, 21:45

Алё опять красится: готовится к капитанскому приёму. Если на этом таинственном приёме не будут кормить, то, наверное, тоже пойду. Да и Алё меня здесь не оставит, обязательно потащит за собой. Откуда у неё силы? Я так объелась, что не могу пошевелиться. Оса правильно делала, что весь ужин просила Яка беречь печень и не объедаться. Надо было её слушать.

Странно, но после чтения мифов некоторые слова включают какое-то странное кино, в котором жующий Як превращается в прикованного к обеденному столу Прометея. Як-Прометей корчится от боли, ревёт, но ничего не может поделать с жареной курицей (да, обычная курица гриль, но с головой орла), которая выклёвывает его печень и кудахчет: «Слушайся Зевса! Не спорь с Зевсом!» Грозный Зевс, конечно, Оса – другой роли у неё быть не может. Кстати, в мифе печень Прометея за ночь как-то восстанавливалась. Посмотрим, что Як скажет утром.

А вообще, надо меньше есть, чтобы эта чушь в голову не

лезла. Или меньше читать?

«Галактика», 21 августа, 00:45

На приёме вдруг поняла, что целый день прожила без папы. Ни разговора, ни сообщения, даже мысли – ничего, связанного с ним, сегодня не было! Такое в первый раз. Обычно он рядом целый день, а сегодня исчез, растворился – как будто мы отписались друг от друга. Причём одновременно. Только когда капитан начал представлять команду и на сцену стали по очереди выходить его старшие и младшие помощники, главные и неглавные механики, потом боцман, после него – мотористы, а за ними – артисты, меня будто ударило током: я поняла, что папа где-то среди них.

Всех объявляли по схеме: сначала должность, потом имя, потом что-то дурацкое, милое или смешное. Например:

– Рады представить нашего боцмана Василия. Как вы думаете, как зовут его кота? Ну конечно, Вася!

Почему все в этот момент смеются, совершенно непонятно. Ну, Вася, и что?

Или ещё:

– Знакомьтесь, это наш старший стюард Дмитрий. Дима уже большой, но всё равно не любит манную кашу.

Странно, но такие глупости работают. Услышав слово «каша», все зрители дружно заулыбались и захлопали ещё сильнее, а шеф-повар взмахнул руками: мол, да, вот такой у нас привередливый стюард. Хотя, скорее всего, никакой

манной каши в меню нет. Ни для экипажа, ни тем более для пассажиров.

Что весёлого сказали про папу, я не расслышала – в тот момент, когда он вышел на сцену, меня как оглушили. Я одно временно аплодировала, улыбалась и почти рыдала. Наверное, от гордости. Хорошо, что освещалась только сцена и мои мокрые щёки и дрожащий подбородок никто не видел. На сцене папа не задержался: как и все, он заученно помахал рукой и убежал за кулисы.

Инны на приёме не было. Пассажирам представили только главного администратора, а она была обычным. Если бы нас знакомили со всеми администраторами и поварами, то капитанская вечеринка затянулась бы до утра. Она и так была бесконечной.

Всё! Первый день закончился.

Итог: обжорство и слёзы.

«Галактика», 21 августа, 11:50

Интересно, где Алё? Куда пропала? Получается, я почти полдня проспала. Дома в шесть утра обычно вскакиваю, а тут до обеда продрыхла. Думаю, это из-за окна, ведь утром будит не только звон будильника, но и солнечный свет, а ему в нашей каюте взяться неоткуда. Да, темнота и набитый едой живот сделали своё дело: OLGA KELAREVA превратилась в бурундука и впала в спячку.

Сегодня день скуки. Обычно в кризисах программа такая:

днём – экскурсия в порту захода, вечером – развлечения на корабле. В Стамбул мы зайдём сегодня вечером, но в город нас выпустят только завтра, так что придётся искать развлечения на борту. В программе ничего интересного: танцы, какое-то космическое лото, морская викторина, заплыв на матрасах. Ну что ж. Значит, продолжу читать. Папа всё равно потребует пересказ – надо быть готовой.

Может, Алё пошла на обед? Вроде бы он через полчаса... Но есть совсем не хочется. Пожалуй, надо размяться.

Придумала! Схожу к Инне и узнаю, что такое матрасный заплыв.

«Галактика», 21 августа, 16:50

На «Галактике» неприятное происшествие: сегодня днём в главном бассейне никакого заплыва на матрасах не было, потому что в нём чуть не утонул мальчик. Бассейн вообще-то для взрослых, детям там купаться строго запрещено, у них отдельный – мелкий. Как вышло, что мальчик очутился в воде, никто не знает и не помнит. Точно известно лишь то, что Инна нырнула за ним прямо в своих лаковых балетках. Она – настоящий герой, только почему-то её это не радует. Всхлипывает и твердит:

– Я всё исправила. Я всё исправила.

И так уже раз десять. Ничего не понятно. Мария, её соседка по каюте, попросила меня уйти. Вместе с обещанием всё выяснить передала мне тарелку с... Кажется, это была

голова того самого лебедёнка. Да, на тумбочке стояло блюдо с его остатками, в которых можно было узнать крыло и сложенную спиралью шею.

Хм, странно.

«Галактика», 21 августа, 19:05

Алё зовёт в каюту родителей, чтобы с их балкона наблюдать заход в Стамбул. Ну хотя бы сейчас про меня не забыла – целый день где-то пропадала без меня. Но я сама виновата: то сплю до обеда, то в чужих каютах лебедей ем.

Впрочем, если честно, пропажу Алё я почти не заметила. Вчера про папу забыла, сегодня про неё. Как-то собраться не могу, в голове всё перемешано. Может, из-за того, что болтает из стороны в сторону? Я, кстати, к качающейся земле давно привыкла, а вот для Алё эти ощущения – новые. Её изящная походка куда-то пропала, но я ей про это не скажу – всё равно не поверит.

Вообще, пока всё идёт не так, как я себе представляла. Ладно, посмотрим. Скорей бы на берег. Всего день прошёл, *#выводыиделатьрано.*

«Галактика», 21 августа, 19:35

Из-за сильной качки в Стамбул заходим на три часа позже. Но для пассажиров опоздание не имеет никакого значения – хоть на пять часов задержись, обидно не будет, потому что в город всё равно не выпустят. По расписанию все экс-

курсии завтра, а сегодня посмотреть на Стамбул можно или с главной палубы, или как семья Алё – с балкона.

На крошечный балкон я не поместилась, но даже и хорошо, что так вышло, потому что нашлось место получше.

В верхнем бассейне, где я устроилась, никого нет – только стая орущих чаек кружит. Шезлонги сложены, зонтики закрыты. Ветер приносит обрывки музыки и восторженные крики нижней палубы:

– Ух ты!

– Смотри, смотри!

– Ого, какой мост!

– Видишь?

– А пароводиков сколько! Настоящая пробка! Вот это трафик!

Стамбульские сумерки не розовые, не фиолетовые, а жёлто-серые. Интересно, они всегда такие или только сегодня? Заходящее солнце слепит глаза лучами-лазерами. Сменив прицел, они проходят сквозь портовые краны, потом скользят по прибрежным окнам и исчезают в Босфоре.

По берегам – купола огромных мечетей, пики минаретов, дороги с машинками-муравьями и дома, дома, дома. Их, наверное, миллион. Нет, наверное, больше. И куда ни посмотри, везде *deniz*, *deniz*, **DENIZ**, *Deniz*: на прогулочных катерах, теплоходах, рекламах. Торжественно гудя, «Галактика» швартуется у длинного причала. Нам помогают маленькие красные буксиры, упорно толкая нашу громадину к берегу.

Оп! Толчок. Всё, пришли!

«Галактика», 21 августа, 20:15

Всё просто: deniz – это море. Богдан подсказал. Он, оказывается, тоже на верхней палубе от толпы прятался. Ну, как – прятался: просто на палубу лёг и ноги на ящик положил. Правда, встречать Стамбул он совсем не собирался, просто хотел в тишине поиграть. Мы друг другу не мешали: я смотрела на море, он – в свой телефон. Если бы я не слишком задумалась, то заметила бы его сразу, а не после того, как чуть на него не наступила.

Странно. Босфор и бьющиеся в истерике чайки были и правда ужасно волнующими, но если кто-нибудь спросит: «Лё, признайся, что тебя впечатлило больше всего?», то придётся честно ответить, что самое сильное впечатление – это огромные босые лапы Богдана.

Вот что это? Перегрелась?

«Галактика», 22 августа, 7:10

Давно мне кошмары не снились. Даже не помню, когда это последний раз было. Впечатления, люди, мысли, истории варились-варились, булькали-булькали, кипели-кипели, и наконец кастрюля взорвалась. Весь сон, конечно, не помню. В голове последняя картинка.

Гора, похожая на айсберг. Высоченная, скользкая, пик острый и блестящий, как наконечник на новогодней ёлке.

Мама заталкивает на эту гору огромный снежок, но он, конечно, всё время скатывается. Мама не сдаётся до тех пор, пока не замечает, что снежок – это на самом деле арбуз. Когда она его бросает, он раскалывается, и из него вылетают семечки, которые превращаются в чёрных чаек – такие бывают? Может, это обычные вороны? Так. Чайки-вороны – причём все – хотят меня клюнуть, но я не промах: смело разгоняю их надувным матрасом, причём он почему-то не лопаётся, хотя клювы у этих злых птиц как наточенные ножицы. Одна вороночка приземляется мне на голову и голосом Магнии говорит: «Вот теперь вы абсолютно свободны», и только я собираюсь её смахнуть, как в неё попадает стрела, которую выпустил папа-кентавр. Папе идёт быть полулошадью, на копытах передвигается уверенно, как будто таким и родился. Странно, но перед своим исчезновением он не сказал ни слова, только хвостом красиво махнул. Алё во сне не было, Инны тоже, а вот Богдан приснился, только его огромная голова быстро исчезла где-то в облаках, так что, сколько у него там глаз, я не рассмотрела. Если один, то это Циклоп, если два – Ахиллес с циклопическими пятками. Когда я коснулась одной из них, небо тут же рухнуло, и я проснулась.

«Галактика», 22 августа, 18:55

Ох, целый день без журнала! Но столько событий... неудивительно, что до него добралась только вечером. Если верить программе, то шоу фокусов вообще-то через три ча

са, но чудеса начались ещё утром. Радостно-взволнованная Инна – ночи ей хватило, чтобы отойти от вчерашней истерики, – выдернула меня с завтрака, сообщив, что автобусная экскурсия по Стамбулу отменяется. Не успела я сделать жалобные брови, как Инна объявила:

– Мы пойдём сами. Втроём!

Я еле сдержалась, чтобы не закричать «ура!» – новость была по-настоящему грандиозной.

Всё идеально совпало: папа получил внеплановый выходной из-за чехарды со сменами – кто-то кого-то попросил поменяться, а у Инны выход в город – награда за вчерашний подвиг.

Когда мы встретились у трапа, папа приказал взбодриться и настроиться на долгий, увлекательный и необыкновенно вкусный поход. От слова «вкусный» меня чуть не стошнило – обжорство было главной неприятностью «Галактики», и мне очень не хотелось продолжать эту традицию на берегу.

В отличие от пассажиров, которые сели в туристические автобусы, мы отправились в Стамбул пешком – Галатский мост должен был привести нас в самое сердце города. Нашей целью была площадь Султанахмет, на которой, по словам папы, находится всё, что нужно посмотреть в Стамбуле, если на это всё у тебя всего три часа.

Всю дорогу папа рассказывал историю моста: он, оказывается, уже пятый, все его предки были такими же длинными и знаменитыми, но, конечно, не такими широкими и, конечно,

не двухэтажными. Ещё мы с Инной узнали, что первый мост был деревянным, второй перестроил Наполеон, третий был платный, а четвёртый сгорел. С пятым пока всё в порядке – стоит.

«Галактика», 22 августа, 19:25

На Султанахмет и правда было много чего: тележки с жареными каштанами, собор Айя-София, Голубая мечеть, Змеиная колонна, египетский обелиск, – но от стамбульской жары нас спасла только подземная и очень прохладная Цистерна Базилика, которая в древности была водохранилищем, так что её я запомнила лучше всего.

Обычно цистерна – это ёмкость для чего-то жидкого. Ну, например, огромный бак с водой на даче. На «Галактике», кстати, тоже есть своя цистерна, которая называется балластной – во время шторма она удерживает судно от сильной качки. Стамбульская цистерна – это никакой не бак, а настоящий подземный дворец с подсвеченными колоннами, которые растут прямо из воды, но плавать там не придётся – для туристов проложены специальные мостики.

В подземелье слегка жутковато из-за тусклого света и звука капающей воды. Гиды загадочными голосами сообщают, что Цистерна полна тайн и секретов. Например, никто не знает, откуда привезли триста колонн: точно не из одного места, потому что они неодинаковые. Значит, собирали по всему свету. Так, получается?

Но главный вопрос не этот. Намного интереснее узнать, почему постаменты двух колонн в виде голов Медузы Горгоны перевернуты «вверх ногами», а не поставлены правильно. Нет, правда, они выглядят очень... перепутано – как будто их устанавливали в крошечной темноте, когда не было видно, где рот, а где лоб. Почему это случилось, ни кто толком не знает, но для туристов есть красивая легенда, что головы медуз стоят неправильно, чтобы увидевшие их не превратились в камень: якобы если столкнёшься с Горгоной взглядом, то всё – тут же становишься скалой или булыжником.

Конечно, некоторые, включая меня, решили проверить, так это или нет. Для этого нам пришлось присесть на корточки и вывернуть шею. Итог: секундная потеря равновесия и огромный риск свалиться в воду. Больше ничего. Ни в какой камень я не превратилась. По крайней мере пока.

«Галактика», 22 августа, 21:15

После прогулки Инна предложила попить чай у неё в каюте – Мария как раз заварила большой чайник. Чаепитие с рахат-лукумом оказалось отличной заменой ужину в большой столовке, надо будет почаще к ним заходить.

Когда Инна ушла мыть посуду, Мария подсела близко-близко и шёпотом рассказала *#страшносекретнуюисторию*. Теперь я наконец знаю, из-за чего Инна перестала работать в бассейне.

Оказалось, что однажды она не заметила, что после трени-

ровки не все ученики ушли в раздевалку. Как так вышло, она до сих пор не понимает – она уверена, что в воде никого не было. Но это совсем не важно. Важно то, что та девочка, которая решила поплавать подольше, чуть не утонула. Всё закончилось хорошо: девочку выловили большим тренерским сачком, только сделала это не Инна, а какой-то другой тренер. Инны в это время рядом не было, потому что она спокойно отправилась по своим делам – группа девочки-невидимки в её расписании была последней. Вот так. После этого случая Инна перестала быть тренером. Сама она себя наказала или её выгнали, Мария не знает.

И да, получается, что теперь всё исправлено. Минус закрыт плюсом. Тогда девочка, сегодня мальчик. Вот только зачем было скрывать? Что случилось бы, если б я узнала про тот случай? Ничего. Порасстраивались бы вместе, может, ей бы легче стало.

Терпеть не могу узнавать всё последней. Но лучше поздно, чем никогда. С другой стороны, я сама такая. Про что-то серьёзное и настоящее – никогда и никому. Так надёжней.

«Галактика», 22 августа, 23:45

Поссорились с Алё. Кажется, впервые. Предчувствие, что случится что-то плохое, было ещё утром. Все пассажиры «Галактики» после завтрака отправлялись в Стамбул, только не пешком, как наша компания, а на автобусах. Когда мы шли по причалу, я прекрасно видела, как Алё мне машет из

окна, но сделала вид, что внимательно слушаю папу. Почему-то уже тогда она была мне неприятна, и я совсем не хотела притворяться, что её воздушные поцелуи что-то значат. Почему? Не знаю. Просто почувствовала, что больше мы не вместе. Она изо всех сил машет, улыбается, складывает ладони в сердечко, а мне всё равно. Было какое-то звериное предчувствие, что всё кончено.

Но по-настоящему мы поругались после вечернего шоу. Сломав голову от разгадывания фокусов и ослепнув от костров поглотителей огня, я сразу завалилась спать. Этого мне Алё не простила. По её мнению, перед сном я была обязана похвалить её покупки – их было столько, что они заполнили не только её кровать, но и всё пространство нашей крошечной каюты.

Она совсем не понимала, что, даже если бы я не была жутко уставшая, я бы всё равно не сказала ни слова. Разбор её сумок мне никогда не нравился, просто раньше я делала вид, что мне страшно интересно что-откуда-почём. Сегодня же терпение лопнуло и я, удивляясь сама себе, уверенно сказала:

– Алё, я не хочу. Давай спать.

Наступила жуткая тишина. Некоторое время Алё тяжело дышала, а потом вдруг как бешеная кошка запрыгнула на мою кровать и развернула меня как куклу.

– Это как? – спросила она, нависнув над моей подушкой.

– А вот так. Я устала.

– От своей писанины ты не устала, а от меня устала?

Тут она сбрендила окончательно и начала рыться в моих вещах. Больше всего её интересовал рюкзак. После непродолжительной тряски из него выпало то, что она искала.

– Ну всё! Хватит! – прохрипела Алё.

Схватив журнал, она попыталась его порвать, но у неё ничего не получилось – там такой толстенный картон, что эффектного разрывания на кусочки не получилось бы даже у Геракла. Алё не оставалось ничего, как размахнуться и швырнуть его изо всех сил. Журнал, взмахнув своими пожелтевшими крыльями, шумно стукнулся о потолок и приземлился за шкаф.

То, что ей очень не нравится моё новое увлечение, было понятно с самого начала. Она постоянно стояла за спиной, подглядывала, выдёргивала ручку, закатывала глаза, гадко смеялась – делала всё, чтобы я не писала. Однажды я даже решила почитать запись про нашу классную Магнию, но она, выслушав, скривилась так, как будто попробовала муху или червяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.